

С. А. Никольский <https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>**А. А. Зиновьев: размышления о советском человеке и советском бытии**

Статья подготовлена в рамках работы над проектом Российского научного фонда НФ 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Никольский С. А. А. А. Зиновьев: размышления о советском человеке и советском бытии // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 3 (120). С. 162-167. DOI 10.20323/1813-145X-2021-3-120-162-167

В статье анализируются главные идеи А. А. Зиновьева о природе советского общества и советского человека. Автор исходит из представления, что в своем бытии люди следуют одному из двух известных истории мировоззренческих конструктов – деловому и коммунальному. И если в деловом конструкте люди ориентированы, в первую очередь, на удовлетворение своих жизненных (материальных и духовных) потребностей, то в коммунальном их отношения определяются вынужденностью совместного бытия, заботой о том, как в этих отношениях устроиться. Важно не само дело, а условия, обстоятельства делания, при том, что до самого дела далеко не всегда доходит, характеристика этого конструкта. Советские люди всегда избирают второй. Советская модель общественного устройства не только далека от марксистского замысла, но в ней разрушается принципиальная основа коммунизма, выраженная формулами «пролетарии – соединяйтесь» и «условие развития каждого – условие развития всех». Сталин, открывший и реализовавший в СССР коммунистическую коммунальность, был одним из наиболее адекватных для России правителей, оказавшийся во главе страны не благодаря личностным особенностям, но в результате реакции на потребности и чаяния общества. В своем анализе советского человека и советского бытия Зиновьев не утруждает себя размышлениями о многих трагичных явлениях действительности – уничтожении целых социальных слоев, которые имели отношение к собственности и формам ее легитимации. Для него все эти люди, равно как и их гонители, – «мразь». Воззрения Зиновьева – пример сочувственного понимания, отягощенного предзаданной установкой: советский строй и Сталин – лучшие формы общественной жизни россиян.

Ключевые слова: общество, человек, советское, СССР, марксизм, коммунизм, собственность, право, история, философия, литература.

S. A. Nikolsky

A. A. Zinoviev: reflections on Soviet man and Soviet being

The article analyzes the main ideas of A. A. Zinoviev about the nature of the Soviet society and Soviet man. The author proceeds from the idea that in their existence people follow one of two known histories of worldview constructs – business and communal. And if in the business structure people are focused primarily on satisfying their material and spiritual needs, then in the communal one their relationship is determined by the compulsion of being together, caring about how to settle in these relations. Not the matter itself, but the conditions, circumstances of doing, despite the fact that the turn does not always reach the matter, the characteristic of this construct. Soviet people always elect the second. The Soviet model of a social structure is not only far from the Marxist idea, but it destroys the fundamental basis of communism – «proletarians, unite» and «the condition for the development of everyone – the condition for the development of all.» Stalin, who discovered and realized communist communality in the USSR, was one of the most adequate rulers for Russia, who was at the head of the country not thanks to personal characteristics, but as a result of a reaction to the needs and aspirations of society. In his analysis of the Soviet man and Soviet being, Zinoviev does not bother to reflect on many tragic phenomena of reality – the destruction of entire social strata that possessed or were related to property and its forms of legitimization. For him, all these people, as well as their persecutors were «scum.» Zinoviev's views are an example of a sympathetic understanding weighed down by a predetermined idea – the Soviet system and Stalin are the best forms of public life of Russians.

Keywords: society, man, Soviet, USSR, Marxism, communism, property, law, history, philosophy, literature.

***

Исследование проблематики советского бытия с необходимостью предполагает изучение насле-

дия, оставленного отечественными философами. В связи с этим фигура А. А. Зиновьева – философа и литератора, кабинетного ученого и участника

реальных жизненных событий, знавшего жизнь в СССР и Европе, – одна из центральных. Его мысли о советском вообще и советском человеке, в частности, рассеяны по многим социологическим, публицистическим и художественным текстам. Но везде их автор – один и тот же в своем неизменном статусе «сам себе суверенное государство». Все тексты – поток его личных размышлений, выражение его особой позиции, без ссылок и адресации к каким бы то ни было прошлым или современным ему исследованиям советского человека и общества. И это небрежение результатами творчества других, не достойных, как он прямо заявляет, не только критического разбора, но и упоминания, – его личная позиция современника и судьбы эпохи.

В систематизированном виде точка зрения автора в отношении феномена «советского», и советского человека как его части, представлена в монографиях «Нашей юности полет» (1981), «Гомо советикус» (1982) и «Коммунизм как реальность» (1990), которые и станут главным предметом нашего внимания.

Свою попытку описать и проанализировать феномен «советское» Зиновьев, в отличие от многих других, менее взыскательных к себе и более самонадеянных исследователей, охарактеризовал так: «После хрущевского доклада засветилась надежда на то, что кое-что можно сделать известным, причем – под своим именем, а не анонимно, как я делал до тех пор. И я сделал попытку написать что-то для печати. Но ничего из написанного мною не удовлетворяло меня. “Слабо, – говорил я себе, – односторонне, фрагментарно, поверхностно, надуманно, сентиментально. Ты же пережил исторический ураган, а не отрепетированный спектакль расчётливо поступающих разумных существ. В жизни не было четкого разделения на актеров и зрителей, на сцену и кулисы, на режиссеров и исполнителей. А что делать? Что может сказать песчинка, несомая Великим Ураганом, о всем Урагане?”» [Зиновьев, 2010, с. 160].

Сказанное Зиновьевым верно, но лишь отчасти. И то, что избранная им позиция понимания, умеренного ностальгического восхваления и столь же умеренного рационального осуждения действительности сознательно ограничена, проистекает из его мировоззрения. Попробую представить некоторые его особенности, которые полагаю наиболее важными.

Прежде всего, мировоззрение Зиновьева фаталистично в части его представлений о российском человеке. Автор, хорошо знавший жизнь и людей,

в этом неявно следует многим из своих великих предшественников в отечественной словесности. Его суждения о российском человеке близки позициям Н. С. Лескова, А. П. Чехова, А. М. Горького, А. П. Платонова [Никольский, 2015; Неретина, 2019]. Так, он полагает, что от времени призвания варягов на русскую землю, в которой нет порядка и который сами люди, населяющие ее, установить не могут, русский человек изменился мало.

Российский (в XX в. – советский) человек, в отличие от представителей многих европейских этносов, в своем жизнеустройении следует определенному направляющему мировоззренческому конструкту. Из двух, известных истории – делового и коммунального – он всегда избирает второй. И если в деловом конструкте люди ориентированы, в первую очередь, на удовлетворение своих жизненных материальных и духовных потребностей, то в коммунальном – их отношения, прежде всего, определяются вынужденностью совместного бытия, заботой о том, как в этих отношениях устроиться. Не само дело, а условия, обстоятельства делания, при том, что до самого дела очередь далеко не первая и не всегда наступает, – характеристика этого конструкта. «Я утверждаю, – пишет Зиновьев, – что именно различие этих аспектов, устойчивые взаимоотношения между ними и доминирование того или иного из них над всеми прочими аспектами жизни людей образует самую глубокую основу различия между западным типом общества и тем его типом, который развился в Советском Союзе после революции 1917 г. и в ряде других стран (Китай, Вьетнам, страны Восточной Европы до 80-х гг.) и который я называю коммунистическим» [Зиновьев, 2020, с. 18].

Зиновьев полагает, что коммунизм и его продукт – советский человек – обнаружили и приняли как данность тот факт, что наличествующая ранее в истории эксплуатация одних людей другими и различные формы социального и экономического неравенства при советском строе не только не уничтожаются, но, изменив формы, еще более усиливаются [Зиновьев, 2012]. Тем самым, по крайней мере, в советской модели, разрушается сама принципиальная основа коммунизма – «пролетарии – соединяйтесь» и «условие развития каждого есть условие развития всех». Реализованная в СССР коммунальность выражается формулой «человек человеку волк». Ее суть – борьба людей за существование и за улучшение своих позиций в обществе как нечто во многом чуждое и враждебное, как то, что не отдает свои блага человеку без усилий и борьбы. Борьба всех против

всех – не только открытый Гоббсом принцип жизни буржуазного общества, но основа жизни людей вообще. Принципы коммунальности – меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других и больше зависимости других от тебя.

Именно эту коммунистическую коммунальность в СССР, утверждает Зиновьев, открыл и олицетворял собой Сталин – один из наиболее адекватных для России правителей, оказавшийся во главе страны не благодаря личностным особенностям, но в результате реакции на потребности и чаяния общества. Его масштабы как исторической личности определяются «не способностью понимать объективную сущность происходящих событий и объективные тенденции исторического процесса в данное время, а тем, насколько его личная деятельность совпадает с объективными закономерностями нарождающегося общества и насколько она способствует реализации его объективных тенденций» [Зиновьев, 2010, с. 6-7]. При этом сознание справедливости происходящего владеет подавляющим большинством участников событий, и они всеми силами поддерживают сталинский режим.

В этом контексте, например, репрессии не были преступлением против народа. Они были совместным делом народа и власти, поскольку отвечали тогдашним понятиям правды и справедливости. Советское общество строили миллионы людей. «Они были участниками процесса. Они были помощниками палачей, палачами и жертвами палачей. Они были и объектом, и субъектом строительства. Они были власть и сфера приложения власти. Создание нового общества было, прежде всего, организацией населения в стандартные коллективы, организация жизни коллективов по образцам, которые впервые изобретались в гигантском массовом процессе путем экспериментов, проб, ошибок. Создание нового общества – воспитание людей, выведение человека, который сам, без подсказки властей и без насилия, становился носителем новых общественных отношений» [Зиновьев, 2010, с. 16-17].

Но из кого, из какого материала «выводится» «новый человек»? Сколь глубоко присущие россиянам «традиционные скрепы», как мы выражаемся сегодня? Зиновьев полагает, что в истории «имеет силу закон адекватности базисных организмов и построенного из них социального организма. Из клопов или тараканов не построишь общество такого вида и масштаба, какими явля-

ются западные страны. Более того, не любой человеческий материал способен на это» [Зиновьев, 2020, с. 10]. Что же до конкретной советской ситуации, то автор отмечает: Сталин «с самого начала знал цену людям, понимал, какая это мразь – народные массы, знал, что разговоры о высоком уровне сознательности как условия коммунизма суть вздор. Сталин обращался с людьми адекватно их реальной ценности. Его репрессии принесли ему больше божеского почитания, чем ежегодные копеечные снижения цен на продукты питания. Сталин знал, кто мы, а мы знали, что он это знает. Мы в глубине души признавали адекватность происходящего нашей реальной человеческой натуре» [Зиновьев, 2010, с. 25].

Впрочем, особого труда советскому человеку это не стоило. В отличие от человека западного, у советского нет убеждений. Вместо них есть стереотип поведения, никаких убеждений не предполагающий и потому с любыми убеждениями совместимый [Зиновьев, 2000, с. 5]. В своем поведении «гомосос» не руководствуется принципами морали. Но это ему и не нужно, так как его поведение определяется другими механизмами – властью коллектива, государственной идеологией, принудительным трудом, которые более эффективны. Но он вместе с тем признает и некоторые элементарные моральные нормы, поэтому в доносах на ближних пишет только правду [Зиновьев, 2000, с. 40].

Зиновьев, и это еще одна характеристика его взгляда на советский мир, признает работу советской тайной полиции справедливой и адекватной целям советского общества. «Как работали Органы в смысле репрессий, общеизвестно. Но почему-то выпала из поля внимания та гигантская работа, которую они проделали по очистке общества от всякого рода мрази и по воспитанию масс людей. Я утверждаю с полной ответственностью за свои слова: новое общество с его системой организации и управления было бы невозможно без Органов и без той роли, какую они сыграли в сталинские времена» [Зиновьев, 2010, с. 30].

Автор текста «Нашей юности полет», как видно читателю, не утруждает себя размышлениями по поводу еще одной важной сферы деятельности органов – целенаправленного и систематического уничтожения целых социальных слоев российского общества (дворянства, духовенства, чиновничества, зажиточного крестьянства), то есть всех, кто обладал собственностью или имел отношение к формам ее легитимации. Для него все эти люди, равно как и их гонители, – «мразь». И общие сло-

ва про «позитивную работу органов по «воспитанию» «новых людей» мало что в этой общей оценке меняют. По его мнению, работа «органов» была необходима. Нужен был всеобщий подъем, а для этого «людей надо было держать в страхе и в напряжении. ... Без подъема мы ничего не сделали бы. Погибли бы. А подъем без страха не бывает» [Зиновьев, 2010, с. 105], – говорит один из героев текста, выражая позицию Зиновьева.

Но для чего подъем? Для созидания? Да. Но и для противостояния всему миру. Ведь весь мир в той или иной степени, как и Россия до Октября, жил по законам частной собственности и верховенства права. И лишь СССР не только не жил так, но и открыто заявлял о необходимости весь мир заставить жить по своим правилам, реально готовил такого рода революционную переделку. Отсюда – необходимость «подъема» на основе напряжения и страха. Но описания и раскрытия этого механизма в тексте Зиновьева нет. Можно ли в этом случае считать позицию «социального мыслителя» полной и корректной?

Ради «целостности» своего мировидения Зиновьев иногда позволяет себе использовать явно ложную информацию. Так, вопреки историческим свидетельствам, подкрепленным, например, текстами писателей-фронтовиков, не доверять которым как непосредственным участникам событий нельзя, он утверждает: «Как бы плохо ни было в колхозах, большинство крестьян уже не хотело от них отказываться. Тяга людей к коллективной жизни (причем – без хозяев, с активным участием в этой жизни) была неслыханной ранее нигде и никогда» [Зиновьев, 2010, с. 33].

Характеристику мировоззрения Зиновьева можно было бы продолжать далее, однако чтобы показать его нередко далекий от объективности и в целом апологетический по отношению к советскому строю характер, сказанного, думаю, достаточно. Как можно охарактеризовать его воззрения? Безусловно, это род сочувственного понимания, но без анализа причин как феномен «советского» стал возможен, из каких корней он произрос, какими питательными веществами (как внешними, так и его собственными) питался.

Что вовсе опускает, о чем не говорит автор «Гомо советикуса»? Или говорит метафорически, как, например, в следующем тезисе: «Мы суть характерный продукт революции, – ее самый лучший и чистый продукт, но продукт двойственный – продукт легенды революции и ее реальности. Мы впитали в себя легенду революции, но восстали против ее реальности» [Зиновьев, 2010,

с. 24]. В этой мысли, на мой взгляд, прежде всего, опускаются содержание и технология воплощения в жизнь «революционной легенды». Поясню.

В текстах Зиновьева практически нет анализа главного, что составило бы предмет применения марксизма на русской почве, – идеологического обоснования необходимости уничтожения собственности не только как атрибута эксплуататора-буржуа, но и как фундаментального свойства человеческой природы. Российские революционеры на практике быстро поняли, что просто отделить собственность от человека, владеющего ею и тем более не желающего отказываться от нее самой и от понятия о ней, без того, чтобы *уничтожить этого человека*, нельзя. И они поставили знак равенства между собственностью и смертью, пойдя в этом так далеко, как никогда не мыслили основатели марксизма.

Так, к примеру, Маркс и Энгельс предполагали, что по мере развития науки и технологий сельские труженики будут вынуждены отказаться от участков земли малых размеров – использовать на них технику станет невыгодным. По этой причине, считали они, возможно возникновение организационных форм как «ассоциаций товаропроизводителей». Что это будут за формы, они не предполагали.

Как это предположение использовали большевики? Во-первых, они заявили: если при капитализме земля является частной собственностью отдельных хозяев, с которым нужно на правовой основе решать вопрос о создании больших участков для использования техники, то в СССР земля объявлена государственной собственностью и власть свободна в своем решении о создании коллективных землепользователей. Более того, даже с самими частными собственниками, не желающими менять способы хозяйствования, власть по «классовому принципу» может распорядиться своевольно – отобрать имущество и лишить свободы, а если случится, то и жизни. Что до коллективизированных сельских товаропроизводителей, то от продажи за рубеж отбираемой у них продукции и должно произойти технико-технологическое переустройство российского села.

Провозглашая уничтожение частной собственности, Маркс и Энгельс [Маркс, 1974] имели в виду ту собственность капиталистов, посредством которой осуществляется эксплуатация человека человеком, а отнюдь не трудовую или какую-либо иную некапиталистическую или мелкокапиталистическую собственность, предполагающую, как у крестьянина, самоэксплуатацию. Впрочем, для

реализации этого общего принципа на практике в реальности не существовало иного мерила, кроме конкретного решения любого конкретного большевика в каждом отдельном случае. Именно он самочинно и своевольно всегда определял, какого рода собственность перед ним, а испытывая страх перед своими товарищами за излишнюю «мягкотелость», всегда направлял дело в духе «лучше переключаться...»

Поэтому российские коммунисты изначально объявили себя врагами собственности любой, собственности вообще – *собственности как родового свойства человека*, включая также и прежде всего трудовую собственность российского крестьянства. Крестьянство – даже при условном его разграничении на кулаков, середняков и бедняков, как известно, изначально было обозначено как слой мелкой буржуазии, которая «рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежедневно, стихийно и в массовом масштабе» [Ленин, 1981, с. 6]. И логикой вещей случалось так, что на место эксплуататоров-капиталистов партия русских коммунистов поставила себя, созданный ею бюрократический властный аппарат и новый классовый тип политической полиции, назначив цель: готовить мировую революция, определив Россию в качестве ее материальной базы и потому нещадно эксплуатируя единственный материальный ресурс страны – человеческий потенциал общества, деревни прежде всего. Вторым достижением русского марксизма стало уничтожение главного принципа организации общества – верховенства права. На его место было помещено «революционное правосознание» – легитимированный произвол правящей партии, от нижних до верхних ее этажей. Эту особенность отечественного «коммунального коммунистического общества» Зиновьев также обходит молчанием.

***

В завершение хотел бы выразить несогласие с одной из важных идей А. А. Зиновьева относительно невозможности для советского человека выбраться из тисков советского царства необходимости в пространство личной свободы. Эту идею, очевидно, было бы трудно оспорить, если бы не множество противоположного характера жизненных примеров, включая и собственный пример Зиновьева – ученого, воина, оппонента советской власти. А это означает, что победа человека над обстоятельствами возможна, не все дороги закрыты и не все возможности исчерпаны.

Библиографический список

1. Александр Зиновьев: мыслитель и человек (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2007. № 4. С. 36-61.
2. Астафьев В. Прокляты и убиты. Москва : Эксмо, 2011. 732 с.
3. Бибихин В. В. Собственность. Философия своего. Санкт-Петербург : Наука, 2012. 390 с.
4. Гроссман В. Жизнь и судьба. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского государственного университета, 1990. 672 с.
5. Гусейнов А. А. Об Александре Зиновьеве и его социологии // Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. Москва : Центрполиграф, 2000. С. 4-22.
6. Зиновьев А. А. Гомо советикус. Москва : Центрполиграф, 2000. 477 с.
7. Зиновьев А. А. Запад. Москва : ООО «Издательство Родина», 2020. 416 с.
8. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. Пара беллум. Москва : Изд-во АСТ : Астрель, 2012. 511 с.
9. Зиновьев А. А. Нашей юности полет. Литературно-социологический очерк сталинизма. Москва : АСТ, 2010. 510 с.
10. Кантор М. К. Эстетика сопротивления. Конкретный Зиновьев и наше абстрактное время // Кантор М. Медленные челюсти демократии. Статьи и эссе. Москва : АСТ, Астрель, 2008. С. 204-263.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. Москва : Издательство политической литературы, 1981. 695 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Москва : Изд-во политической литературы, 1974. 63 с.
13. Неретина С. С. Философская антропология Андрея Палтонова / С. С. Неретина, С. А. Никольский, В. Н. Порус. Москва : Голос, 2019. 236 с.
14. Никольский С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX и XX вв. Москва : Голос, 2015. 536 с.
15. От знания к пониманию. Памяти Александра Александровича Зиновьева // Свободное слово. Интеллектуальная хроника: Альманах 2007/2008 / сост. и отв. ред. В. И. Толстых. Москва : ИФРАН, 2008. С. 5-40.
16. Плетников Ю. К. Собственность и богатство: интеллектуальная хроника раннего капитализма в Западной Европе. Москва : Прогресс-Традиция, 2014. 254 с.
17. Фокин П. Е. Александр Зиновьев: Прометей отвергнутый. Москва : Молодая гвардия, 2016. 746 с.
18. Kirkwood Michael. Aleksandr Zinov'ev // Slavonica. 2006. Vol. 12. № 2. P. 186-190.
19. Hanson Philip. Alexander Zinoviev and the Russian Tragedy. The Reality of Post-Communism // Baltic Worlds. Stockholm : Centre for Baltic and East European Studies, Södertörn University, 2010. Vol. III. № 2. P. 18-25.

Reference list

1. Aleksandr Zinov'ev: myslitel' i chelovek (materialy «kruglogo stola») = Aleksandr Zinoviev: thinker and man (round table materials) // *Voprosy filosofii*. 2007. № 4. S. 36-61.
2. Astaf'ev V. Prokljaty i ubity = Damned and killed. Moskva : Jeksmo, 2011. 732 s.
3. Bibihin V. V. Sobstvennost'. Filosofija svoego = Property. Philosophy of own. Sankt-Peterburg : Nauka, 2012. 390 s.
4. Grossman V. Zhizn' i sud'ba = Life and fate. Rostov-na-Donu : Izd-vo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1990. 672 s.
5. Gusejnov A. A. Ob Aleksandre Zinov'evе i ego sociologii = About Aleksandr Zinoviev and his sociology // Zinov'ev A. A. Na puti k sverhobshhestvu. Moskva : Centrpoligraf, 2000. S. 4-22.
6. Zinov'ev A. A. Gomo sovetikus = Gomo Sovieticus. Moskva : Centrpoligraf, 2000. 477 s.
7. Zinov'ev A. A. Zapad = West. Moskva : OOO «Izdatel'stvo Rodina», 2020. 416 s.
8. Zinov'ev A. A. Kommunizm kak real'nost' = Communism as reality. Moskva : Para bellum Izd-vo AST : Astrel', 2012. 511 s.
9. Zinov'ev A. A. Nashej junosti polet. Literaturno-sociologicheskij ocherk stalinizma = Our youth flight. Literary and sociological essay on Stalinism. Moskva : AST, 2010. 510 s.
10. Kantor M. K. Jestetika soprotivlenija. Konkretnyj Zinov'ev i nashe abstraktnoe vremja = Aesthetics of resistance. Specific Zinoviev and our abstract time // Kantor M. Medlennye cheljusti demokratii. Stat'i i jesse. Moskva : AST, Astrel', 2008. S. 204-263.
11. Lenin V. I. Poln. sobr. soch. = Complete works. 5-e izd. T. 41. Moskva : Izd-vo politicheskoy literatury, 1981. 695 s.
12. Marks K., Jengel's F. Manifest kommunisticheskoy partii = Communist Party Manifesto. Moskva : Izd-vo politicheskoy literatury, 1974. 63 s.
13. Neretina S. S. Filosofskaja antropologija Andreja Paltonova = Philosophical anthropology of Andrei Paltonov / S. S. Neretina, S. A. Nikol'skij, V. N. Porus. Moskva : Golos, 2019. 236 s.
14. Nikol'skij S. A. Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretacii otechestvennoj literatury XIX i XX vv. = Horizons of meanings. Philosophical interpretations of Russian literature of the XIX and XX centuries. Sankt-Peterburg : Golos, 2015. 536 s.
15. Ot znaniya k ponimaniju. Pamjati Aleksandra Aleksandrovicha Zinov'eva = From knowledge to understanding. In memory of Aleksandr Aleksandrovich Zinoviev // Svobodnoe slovo. Intellektual'naja hronika: Al'manah 2007/2008 / sost. i otv. red. V. I. Tolstyh. Moskva : IFRAN, 2008. S. 5-40.
16. Pletnikov Ju. K. Sobstvennost' i bogatstvo: intellektual'naja hronika rannego kapitalizma v Zapadnoj Evrope = Property and wealth: intellectual chronicle of early capitalism in Western Europe. Moskva : Progress-Tradiciya, 2014. 254 s.
17. Fokin P. E. Aleksandr Zinov'ev: Prometej otvergnutyj = Aleksandr Zinoviev: Prometheus rejected. Moskva : Molodaja gvardija, 2016. 746 s.
18. Kirkwood Michael. Aleksandr Zinov'ev // Slavonica. 2006. Vol. 12. № 2. P. 186-190.
19. Hanson Philip. Alexander Zinoviev and the Russian Tragedy. The Reality of Post-Communism // Baltic Worlds. Stockholm : Centre for Baltic and East European Studies, Södertörn University, 2010. Vol. III. № 2. P. 18-25.